

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогие читательницы, дорогие читатели, как и обещала, отдаю в ваши руки повесть «Арабская принцесса», которая является продолжением истории героинь «Арабской жены», «Арабской дочери» и «Арабской крови». В этой книге появились новые персонажи, например, знатная принцесса Ламия, судьба которой оказывает влияние на поступки главных героинь и кардинально меняет их жизнь.

В своей повести я, как всегда, вымышленные, действия героев вплетаю в реальные события. Информацию черпаю из сводок в прессе, сообщений в Интернете и телевидении — местном, саудовском, на канале «Аль-Джазира». Когда я слышала о деятельности двух арабских княжон, спонсирующих терроризм, я не могла в это поверить. Об этом сообщали как на катарском телевидении, так и в саудовской прессе. О деятельности саудовских феминисток я знаю не только из массмедиа. Я была свидетельницей акции *Women 2 drive* 17 сентября 2011 года, когда женщины выехали на улицы саудовских городов. Я лично беседовала с саудовскими студентками, врачами, учительницами, юристами и женщинами, сделавшими головокружительную карьеру в Саудовской Аравии, а также со знатными особами. И все же хочу подчеркнуть, что описанные мной в «Арабской принцессе» ситуации, а также участвующие в них персонажи вымышлены. Всякое сходство с реальными людьми случайно.

Очень часто в своей повести я обращаюсь к истокам ислама. Почему я это делаю? Чтобы понять арабскую культуру,

прежде всего следует познакомиться с религией, на которую опирается господствующий во многих арабских странах закон шариата. Ни в коем случае я не отношусь к исламу пренебрежительно, не критикую, ибо уважаю эту религию, которую порой превратно истолковывают или используют в мерзких целях. Я отрицаю фанатичность в каждой вере — мусульманской, христианской или иудейской. Недостаток веры и ослепление ею всегда приводят к искажению даже наивысших и чистейших идеалов.

В описанном мной мире я попрошу не усматривать критики Саудовской Аравии, ведь в этой стране я провела пять долгих и счастливых лет. Традиционные арабские государства стараются по мере возможностей ментально модернизировать свое общество; процесс этот идет, но скачкообразно. В описании и оценке этой страны я не руководствовалась только своей точкой зрения, но прежде всего учитывала мнение коренных жителей, а также экспатриантов, которые подчас живут в саудовских песках по двадцать, тридцать лет. На страницах моей повести я не открываю никаких тайн: саудовская пресса пишет о множестве проблем своей родины. В газетных колонках я прочитала о том, как позорно выдают замуж девочек, о судебном процессе и наказании отца и мужа-педофила, об изнасиловании девушки из Эль-Катифа и посаженных по приговору, который (NB!) король Саудовской Аравии аннулировал, о только что открытых университетах для женщин, о забастовках и петициях саудовских феминисток и о многих, многих других щекотливых делах. Перемены требуют времени, но я глубоко верю, что придет такой день, когда я смогу получить туристическую визу в Саудовскую Аравию и поехать туда без опекуна-мужчины. Надеюсь, что в недалеком будущем женщины будут ходить по улицам Эр-Рияда, Эль-Хубара, Джидды, Мекки и Медины без черной абаи и водить автомобили. Чего всем гражданам, а особенно саудовским женщинам, желаю.

ПЕРЕЛОМ

МАТЕРИНСТВО ПО-САУДОВСКИ

Темная ливийская ночь. Небо глубокого синего цвета, подсвеченное миллиардами звезд. С крыши водосборника, который представляет собой точку в огромном пространстве окружающей его пустыни, днем ошеломительный вид. Но сейчас можно разглядеть только редкие удаленные разбросанные пунктиры огней. Вокруг музыка природы: симфония неумолкающих цикад, одиночное попискивание диких кроликов, фырканье ежей и далекий лай собак.

— Так близко до звезд! — Марыся вытягивает руку, как бы пытаясь до них дотронуться.

— Загадай желание — исполнится.

Рашид ложится рядом на матрас и закрывает глаза.

«Какие же у него длинные ресницы!» — думает девушка, забывая о звездах, не в состоянии оторвать взгляда от друга.

— Нужно смотреть в небо, чтобы осуществилось.

Рашид, чувствуя взгляд, переворачивается на бок, подпирает голову ладонью и пристально смотрит в глаза девушке. Она любовь его жизни. После проведенного вместе времени Рашид в это свято верит.

— Уже ничего больше не хочу, — признается Марыся, а от волнения у нее сдавливают горло. — Чего хочу — рядом со мной.

Она касается его волос, которые уже успели отрасти и выются, ниспадая спиральками и до половины закрывая его красивый лоб.

— Тот, кто находится на расстоянии вытянутой руки, — шепчет она и наклоняется, чтобы осторожно поцеловать

чувственные губы мужчины. Он, однако, не отвечает на поцелуй, но очень внимательно смотрит перед собой.

— Рашид? Может, я ошиблась в том, что... — женщина стыдится своего нахальства и не хочет произносить главного. — Какая же я глупая!

— Знаешь, что нет, но...

Он повышает голос, приближается к ней и обнимает сильной жилистой рукой. Они лежат на боку лицом к лицу, их дыхание сливается, губы так близки, страстно раскрыты и готовы к поцелуям. Но мужчина — правоверный мусульманин — не хочет переходить барьер пристойности.

— У тебя есть муж, — выдавливает наконец он и отодвигается от Марыси, опрокидываясь на спину. — Я не хочу быть с тобой только в этот единственный раз — я хотел бы остаться с тобой до конца жизни. Но это невозможно.

— А ты не слышал, что можно развестись? — женщина осторожно кладет руку на его нервно подрагивающую щеку. — Муж написал записку перед моим отъездом, давая мне полное право выбора и возвращая свободу.

Произнося эти слова, она приближается и касается грудью торса мужчины.

— Так вы не были любящими супругами? Не расставались на две недели отпуска в слезах и поцелуях?

Только сейчас он осознает то, что Марыся уже некоторое время старается до него донести.

— Ну, конечно, нет! Наш брак накрылся медным тазом!

После этих слов Рашид срывается и, накрывает своим телом хрупкую женщину.

— Такова правда. Иначе меня бы тут с тобой не было, — признается Марыся шепотом.

Она не в состоянии дышать не столько от тяжести худощавого мужчины, сколько от возбуждения.

Страсть, упоение и желание охватывают молодую пару. Они впиваются друг в друга пальцами, царапают ногтями,

губы пьют большими глотками любовь с жаждущих уст друг друга. Весь мир вокруг них перестает существовать. Ничто не имеет значения, только черное небо над их сплетенными телами охлаждает их холодным дождем мигающих звезд. Они касаются друг друга, исследуют друг друга... Хотят быть как можно ближе... Пребывают внутри друг друга, сплетаясь ногами, руками, и крепко обнимаются. Их тела идеально подходят, как две половинки одного плода и словно две души-близнецы с теми же желаниями и предпочтениями. Ничто их не удивляет, ничто не вызывает неловкости, они жаждали этого всегда.

Бледный рассвет застает их обнявшимися и погруженными в собственный маленький мир — небольшой, хрупкий, тесный. Розовая мгла быстро улечивается, разогнанная теплым ветром пустыни, несущим мелкий невидимый песок. Он присыпает их тела тонким слоем пыли, укрывая наготу от приближающегося ясного дня.

Марыся закрывает глаза, свет мешает ей: она не может понять того, что ее окружает. Где она? Что тут делает? Ее разгоряченное страстью сердце почти остановилось.

До ее ушей доносятся крики и плач фермеров, стоящих вокруг, которые, как беззащитные овцы, подчиняются орущим наемникам правительства. Рашид... ее Рашид единственный сопротивляется, падает на землю, брыкает ногами и не дает себя связать. Солдаты теряют терпение, и один из них стреляет прямо в лицо молодому красивому мужчине. Единственная пуля, выпущенная с расстояния десяти сантиметров, делает из этого красивого лица кровавое месиво. Марыся замирает, прикладывает только руку к губам, но не издает ни звука. Но перепуганные селянки визжат и в панике разбегаются во все стороны. Две короткие очереди из автомата останавливают их. Женщины падают. Одни — на асфальтированную пустую дорогу, другие — на оранжевую землю обочины, извиваясь в смертельных

судорогах. В живых только две женщины с двумя маленькими девочками. Они замерли как вкопанные у живой изгороди из опунций. Через минуту они приседают на корточки, пряча в объятиях тихо плачущих девочек с косичками, перевязанными разноцветными ленточками, и опускают взгляд, не желая больше видеть разворачивающейся бойни. Наемники приказывают мужчинам повернуться к ним спинами и встать на колени. У Марыси от ужаса расширяются глаза.

«Почему это снова ко мне возвращается?! — кричит она в душе. — Я уже там была! Я уже это пережила!»

«*Wallahi*¹, не хочу снова, я не хочу», — повторяет она, как маленькая девочка.

Вдруг все палачи падают один за другим, застреленные невидимым карателем. Марыся едва плетется, передвигая ноги так, будто каждая весит тонну. Она хочет проститься с Рашидом, который стал сегодня очередной ненужной жертвой режима Каддафи. Девушка садится на грязную грунтовую площадку перед юношей. Находясь так близко, она боится смотреть на то, что когда-то было красивым улыбающимся лицом. Она осторожно берет его за уже холодную руку, в голове у нее пустота. «Боже мой, еще не так давно этот человек был страстным, чудесным любовником, веселым, беззаботным шутником! У него были планы на будущее и пылкие чувства, а сейчас что от него осталось? Уже ничего. Брэнное тело, безжизненная оболочка», — Марыся переводит взгляд и смотрит на изувеченное лицо, и слезы сами льются у нее из глаз. Всхлипывая, она сгибается пополам и касается лбом плеча бывшего друга. «Хорошо, что, по крайней мере, он знал: после него что-то останется, ведь я ношу его ребенка, — думает она, но ее это не утешает. — Что я теперь буду делать? Как я из этого

¹ *Wallahi* (араб.) — ради Бога (Здесь и далее примеч. пер.).

выберусь? Что будет с маленьким существом, которое у меня под сердцем? Сколько людей еще обижу своим необдуманным и позорным поступком? Какая же я незрелая, непорядочная, сопливая, распущенная девчонка!»

— Рашид, Рашид, как ты мог со мной так поступить?! — кричит она во весь голос. — Как мог уйти? Рашид, Рашид, Рашид...

Марыся выпрямляется, как струна, и прикладывает вспотевшую ладонь к губам. Девушка широко открывает красивые миндалевидные, заплаканные сейчас глаза и смотрит в темноту комнаты. Она осознает, что слышит шум кондиционера, чувствует веющий от него холод. «Неужели я это запретное грешное имя произнесла вслух? Может, я кричала?» — испугавшись, спрашивает она себя. Мокрые от ночного кошмара волосы приклеились к разгоряченному лицу. Первые сильные схватки пронизывают ее от позвоночника к низу живота. Беременная женщина выпрямляется и обнимает большой живот двумя руками.

— Что происходит? — Хамид тут же включает свет и наклоняется над разгоряченной, объятай болью женой.

— Началось, — шепчет Марыся.

— Как это? Ведь только седьмой месяц! — удивляется муж, хмурясь.

— Почти восемь, — исправляет роженица. — Но если ребенок хочет выйти, я его не удержу.

— Иди ко мне, любимая.

Мужчина распахивает объятия, а Марыся валится в них, не дыша, прижимаясь, как бедный испуганный котенок.

— Все будет хорошо. Ничего не бойся, я с тобой.

* * *

Марыся в восхищении смотрит на свою маленькую доченьку. Это необыкновенное, самое прекраснейшее чудо, в которое даже невозможно поверить! Еще пару часов тому

назад ребенок был у нее в животе, а сейчас, прижмутив глазки, наблюдает за окружающим миром.

— Но она такая маленькая!

Хамид наклоняется над кроватью.

— Если бы еще немного подождала, то, может, была бы больше. Она здорова? Я иду за педиатром. Почему здесь вообще нет врачей?!

Муж беспокоится и уже собирается нестись в дежурку.

— Если бы она родилась в приличной больнице, которых по всей Саудовской Аравии полно, а в Эр-Рияде еще больше, а не в небольшой частной клинике, где роды принимает какая-то там индуска-гинеколог, то мы были бы уверены во всем. И уход был бы на более высоком уровне.

Критикуя, Хамид кривит губы.

— Я тебя не понимаю! Подружиться с доктором и рисковать...

— Папочка, не паникуй, — охваченная нежностью, Марья не может точно сказать, все ли в порядке с ребенком.

Муж не сдается.

— Доктор Сингх принимала роды, но, как только маленькая появилась на свет, отдала ее в руки специалистов-педиатров. Посмотри в карточку: десять пунктов, все на своих местах.

— Да ты посмотри, только пятьдесят два сантиметра и три с половиной килограмма! Ты знаешь, сколько ей не хватает до нормального, доношенного ребенка?! — Мужчина практически рвет волосы на голове.

— Хочешь испортить мне радость самой чудесной минуты в моей жизни?! — Марья осторожно садится и, нервничая, повышает голос. — Мог бы свои ничем не обоснованные опасения оставить при себе?!

— Но почему она не плачет?

Хамид, сбитый с толку и раскаявшийся, тяжело устраивается в большом кресле, стилизованном под времена Людовиков.